

основных форм ТНО и носят обобщенный характер. Встает досадный вопрос: как можно оценивать качество образования в целом, если между отдельными формами ТНО так много различий? К примеру, в случае с МФВ и франчайзингом за учебную программу, уровень и качество предлагаемого образования отвечает в первую очередь страна-экспортер. А в случае с партнерскими программами обе вовлеченные страны делят ответственность.

Методы исследований

Мы также отмечали то, какими методами (эмпирическими, описательными, концептуальными, методами анализа стратегий) пользовались авторы изученных работ. В целом 52% из них пользовались описательными методами, 40% — эмпирическими, 8% — концептуальными, 1% — методами анализа стратегий. Интересно, что концептуальный или теоретический подход предпочло очень мало исследователей. Возможно, этим объясняются разногласия в выборе и описании терминов.

Время и тип публикации

За последние 15 лет объем посвященных ТНО исследований значительно увеличился, и это не может не обнадеживать. Среди всего объема проанализированных документов 7% были опубликованы в 2000-2005 годах, 42% — в 2006-2010 годах, остальные 50% — в 2011-2015 годах. Мы сознательно решили изучать лишь научную литературу и, соответственно, исключили публикации в СМИ и блогах, хотя их значительно больше, чем научных публикаций, что неудивительно для такого молодого явления. Нам было необходимо сосредоточиться именно на традиционных источниках, так как предметом нашего интереса являются исследования ТНО. Анализ показал, что 39% источников приходится на книжные главы, еще 39% — на статьи в научных журналах, 15% — на доклады (написанные по результатам заказных исследований) и всего 7% — на диссертации.

Цель этой статьи — представить основные тезисы проведенного недавно анализа более чем 300 статей, книг, докладов и диссертаций, посвященных ТНО и опубликованных после 2000 года.

Печально, что транснациональному образованию посвящено так мало диссертаций, ведь кто-то должен будет заниматься этой темой в будущем. Первая диссертация, связанная с ТНО, в базе ProQuest датируется 2005 годом. Большинство (61%) из 18 найденных диссертаций посвящены МФВ. Это довольно любопытно, ведь в мире действует около 250 МФВ, в то время как партнерских программ тысячи. Кроме того, интересный с исследовательской точки зрения феномен — появление совместных университетов (когда две страны сотрудничают с целью открытия нового вуза), которые принципиально отличаются от МФВ. В общем, было бы хорошо, если бы изучением различных форм и аспектов сектора ТНО занималось больше аспирантов, особенно в странах, где этот сектор растет.

ТНО — по-прежнему относительно новый феномен, он пока недостаточно хорошо изучен. Исследований по теме мобильности образовательных программ, например, примерно в 3-4 раза меньше, чем по теме студенческой мобильности. Но для начала следовало бы разработать «единые правила классификации ТНО», где были бы ясно прописаны все необходимые термины и определения — таким образом, чтобы их можно было использовать в контексте более чем сотни уже вовлеченных в ТНО стран. Это принципиально важный шаг, который нужно предпринять, чтобы улучшить качество собираемых данных и исследований по теме транснационального образования.

.....

Многообразие форм послешкольного образования в Юго-Восточной Азии

Филип Дж. Альтбах

Филип Дж. Альтбах — исследователь, основатель и первый директор Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, США. E-mail: altbach@bc.edu.

Есть ли что-то общее в системах высшего образования стран Юго-Восточной Азии? На самом деле стоит говорить скорее о расхождениях, чем о сходствах. Если проанализировать то, как страны реагируют на вызовы высшего образования XXI века, можно выделить несколько моделей и сделать небезытересные выводы.

Аспекты многообразия

Юго-Восточной Азии – регион многообразный со всех точек зрения. В ней представлены разные религиозные традиции: ислам (в Индонезии, Малайзии, Брунее), христианство (на Филиппинах), конфуцианство (во Вьетнаме), буддизм (в Таиланде, Камбодже, Мьянме, Лаосе); Сингапур многоконфессионален, кроме того, в большинстве стран есть представители религиозных меньшинств. На состояние дел в регионе оказывает влияние британское, французское, испанское, американское, голландское колониальное наследие. А, например, Таиланд является одной из немногих стран развивающегося мира, которые никогда не были колонизированы. Страны региона можно разделить по уровню доходов на богатые (Бруней и Сингапур), страны со средним доходом (Малайзия и Таиланд) или близкие к среднему уровню (Индонезия, Вьетнам и, возможно, Филиппины) и развивающиеся страны (Мьянма, Камбоджа, Лаос). Так что неудивительно, что реалии высшего образования государств Юго-Восточной Азии существенно различаются, причем по многим аспектам различий больше, чем сходства. И это понятно, так как каждая страна должна находить собственные подходы к удовлетворению образовательных потребностей своего общества.

Реалии высшего образования

Доступность высшего образования варьируется очень существенно. Так, например, в Мьянме возможность продолжить обучение после школы есть примерно у 10% населения, а в Сингапуре этот показатель достигает 87%. Ни одна страна региона, за исключением Сингапура, не обеспечивает сравнимый с ведущими странами мира доступ к высшему образованию. Ближе всего к этому показателю находятся Таиланд, где доступ к высшему образованию имеет примерно половина выпускников школ, Малайзия — 37% и Индонезия — 32%. В беднейших странах региона — Мьянме, Камбодже и Лаосе — этот показатель меньше 20%. Все страны, за исключением одной, все еще не нашли решения проблемы повышения доступности высшего образования для большего числа студентов.

Неудивительно, что в Юго-Восточной Азии мало исследовательских университетов, признаваемых на мировом уровне. Сингапур — единственная страна региона, в которой расположены два университета из первой сотни мировых рейтингов. Остальные страны представлены всего 15 вузами из топ-800 рейтинга Times Higher Education, расположенными в Малайзии, Индонезии и Таиланде. И хотя рейтинги являются далеко не совершенным инструментом измерения, они в целом позволяют представить ситуацию с исследовательскими университетами в мире. Факт того, что в регионе мало исследовательских университетов, создает неблагоприятные условия для привлечения иностранных студентов и исследователей, снижает

его шансы на участие в передовых научных исследованиях и на рассмотрение его в качестве серьезного участника глобальной экономики знаний.

Помимо прочего, страны Юго-Восточной Азии, за исключением Сингапура и в какой-то степени Малайзии, в среднем инвестируют в высшее образование значительно меньшую долю бюджетных средств, чем развитые страны. Сингапур и Малайзия выделяют на высшее образование более высокую долю государственных инвестиций, а остальные страны, включая Индонезию и Вьетнам, — меньше 1% ВВП. Такой низкий уровень инвестиций имеет серьезные последствия. Одно из последствий состоит в том, что у правительства очень ограничены возможности для удовлетворения растущего спроса на образование, поэтому все большую роль начинает играть частный образовательный сектор.

Частный сектор стал ключевым элементом высшего образования большинства стран Юго-Восточной Азии. Сингапур, Лаос, Вьетнам, Мьянма и Малайзия являются в некоторой степени исключением из общей тенденции региона, однако и там быстро увеличивается количество и размеры частных вузов. В Таиланде, Индонезии и Камбодже в частных вузах обучается более половины студентов. На Филиппинах их число составляет более 80%. Даже социалистический Вьетнам планирует, что к 2020 году 40% от общего числа студентов будут учиться в частных вузах, хотя пока неясно, как этого можно достичь, избежав существенного ухудшения качества образования. В целом можно сказать, что частные вузы «абсорбируют спрос» на высшее образование в условиях перехода к массовизации, принимая абитуриентов с невысокими академическими достижениями и нередко из семей более низкого социально-экономического статуса. Очень небольшое число частных вузов предоставляют образовательные услуги высокого уровня, и очень многие из них являются коммерческими. В Таиланде, Вьетнаме, Индонезии и на Филиппинах есть несколько престижных частных университетов, и они, как правило, аффилированы с христианскими организациями. Однако в целом о массивном и важном секторе частного высшего образования в Юго-Восточной Азии известно немного.

Хорошо продуманная и слаженная система высшего образования, дающая широкий спектр академических возможностей, существует лишь в некоторых странах региона. В Юго-Восточной Азии и за ее пределами вообще довольно мало стран, которым удалось интегрировать частные вузы в систему высшего образования таким образом, чтобы они действительно могли вносить вклад в удовлетворение общественных интересов. Более того, даже в государственном сегменте высшего образования редко можно встретить систему, различные элементы которой (исследовательские университеты, институты, ориентированные на образование, профессионально-технические учебные заведения и т.д.) дополняют друг друга, эффективно

взаимодействуют и получают адекватное финансирование. Опять же Сингапур, где буквально недавно появился министр высшего образования и квалификаций, можно, наверное, считать исключением из этого правила.

Проблемные и дискуссионные вопросы

Можно ли говорить о существовании «специфичной для Юго-Восточной Азии модели развития высшего образования»? Если учесть описанное выше многообразие региона, то ответ будет отрицательным. С другой стороны, существуют сетевые организации, такие как Организация министров образования Юго-Восточной Азии (SEAMEO), Ассоциация вузов Юго-Восточной Азии (куда входят образовательные учреждения со всей Азии, ASAHL), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии плюс три (АСЕАН+3), на площадках которых обсуждаются общие для всего региона вопросы и возможности для сотрудничества. Тем не менее долгосрочных процессов регионального масштаба очень мало, так как национальные потребности имеют больший приоритет, чем региональные амбиции.

За редким исключением, несмотря на существование АСЕАН и других региональных организаций, качественные данные и аналитика о высшем образовании в этом регионе встречаются удивительно редко. Анализ основных процессов и регулярно обновляемые статистические данные являются важнейшим инструментом для принятия эффективных стратегических решений. Без качественных данных по отдельным странам и региону в целом качественный бенчмаркинг просто невозможен. Ни в одной стране Юго-Восточной Азии нет признанного мировым сообществом центра исследований высшего образования, профессионалов по развитию высшего образования крайне мало и в правительстве, и в вузах. В определенном смысле исключением можно считать расположенный в Малайзии Национальный институт исследований высшего образования (IPPTN). В регионе существует острая потребность в формировании исследовательского сообщества и сообщества экспертов, ответственных за образовательную политику.

Как и во многих странах мира, в Юго-Восточной Азии остро актуален вопрос о языке обучения. Стоит ли преподавать на английском как на языке мировой науки — до сих пор не однозначный вопрос. В большинстве случаев страны Юго-Восточной Азии ведут обучение на национальных языках. Исключениями можно назвать Сингапур и Филиппины, где английский — один из официальных языков, а также Мьянму, хотя в Мьянме идут дебаты о том, является ли обучение на английском лучшим решением. После обретения многонациональным Сингапуром независимости в 1965 году, было решено, что английский является наиболее логичным выбором, и в итоге именно это решение помогло стране создать наиболее успешную в Юго-Восточной Азии систему высшего образования,

университеты которой признаются на мировой арене. Малайзия отказалась от английского в пользу малайского, и это решение помешало ей выйти на мировой рынок и привело к другим проблемам. В 2000-х годах малайзийский политический маятник качнулся в сторону английского, но сейчас, похоже, возвращается обратно, хотя частные вузы продолжают учить на английском. Индонезия после обретения независимости перешла с голландского языка на индонезийский, хотя английский и используется сейчас в некоторых вузах.

Доступность высшего образования варьируется очень существенно. В Мьянме возможность продолжить обучение после школы есть примерно у 10% населения, а в Сингапуре этот показатель достигает 87%.

Вопрос языка представлен здесь не только потому, что он важен сам по себе, но и потому, что ответ на него символически отражает весь комплекс политических вопросов региона. В некоторых странах языковый вопрос является элементом политики. Местные языки, с одной стороны, несут в себе культуру и историю своих народов. С другой стороны, английский способствует не только интернационализации, но и регионализации, помогает привлекать талантливых специалистов и абитуриентов из-за рубежа, включаться в мировые научные процессы, открывает новые возможности для местных абитуриентов и т.д.

За редким исключением университеты стран Юго-Восточной Азии вряд ли смогут в ближайшем будущем претендовать на вхождение в мировую образовательную элиту. За исключением Сингапура и в какой-то мере Малайзии, страны региона продолжают концентрировать усилия на удовлетворении растущего спроса на образование и обращают меньше внимания на глобальную экономику знаний. Ни в одной стране региона не реализуются программы академического превосходства наподобие тех, которые есть в Германии, Японии, Китае или России и которые направлены на форсированное развитие исследовательских университетов. Однако почти все страны Юго-Восточной Азии так или иначе поддерживают дополнительными ресурсами свои передовые вузы, а Малайзия и особенно Сингапур инвестируют в них значительные средства.

Юго-Восточная Азия находится под влиянием международных тенденций. Однако только несколько стран задаются вопросами международной стратегии. Малайзия, например, приняла филиалы нескольких австралийских университетов и открыла один местный вуз — Международный исламский университет Малайзии, который был создан для работы со студентами из-за рубежа. Сингапур реализует стратегию интернационализации через инициативу «Глобальная школа» (Global Schoolhouse), направленную на привлечение иностранных студентов и развитие сотрудничества с зарубежными академическими институтами. Но в целом регион уделяет мало внимания международному развитию.

Заключение

Хотя страны Юго-Восточной Азии мало в чем похожи между собой, они сталкиваются со схожими вопросами в сфере высшего образования. Тем не менее, возможно, было бы полезнее размышлять о регионе не в целом, а разбивая его на группы стран с похожими проблемами. Первым шагом может стать разработка эффективной системы сбора и анализа данных и последующее грамотное стратегическое планирование. Несмотря на то что проблемы находятся на национальном уровне, решения могут быть региональными и сформированы на основе опыта других стран и вузов региона.

Высшее образование и развитие экономики и демократии Мьянмы

Такао Камибэппу, Роджер Яп Чао-мл.

Такао Камибэппу — профессор развития международного образования в Городском университете Фукуямы, префектура Хиросима, Япония. E-mail: t-kamiberri@fscu.ac.jp.

Роджер Яп Чао-мл. — независимый консультант и бывший консультант по вопросам высшего образования офиса ЮНЕСКО в Мьянме. E-mail: rylimchao@yahoo.com.

В условиях интенсивных экономических и демократических трансформаций, которые сегодня происходят в Мьянме, система высшего образования также должна претерпеть значительные изменения. Выборы ноября 2015 года принесли победу Национальной лиге за демократию. Новое правительство должно приложить усилия и принять новый закон о высшем

и частном образовании, поддерживать просвещение в области прав человека и активнее участвовать в работе АСЕАН (Ассоциации государств Юго-Восточной Азии).

Реформа образовательного законодательства

После 50 лет изоляции, забвения и недостатка финансирования образовательная инфраструктура Мьянмы (здания, библиотеки, лаборатории), содержание программ обучения, а также научные и образовательные мощности местных вузов нуждаются в значительном обновлении, поддержке и инвестициях. Из 170 государственных вузов Мьянмы, которые находятся в ведении 13 различных министерств, почти половина расположена в двух крупнейших городах страны Янгоне (33) и Мандалае (36), и только 10 из них имеют право присуждать степень PhD. Более того, многие вузы на деле занимаются профессиональным или дистанционным образованием, качество которого небезупречно.

Для решения некоторых из этих проблем в октябре 2014 года был принят новый национальный закон об образовании. В июне 2015 года в него были внесены поправки, учитывающие требования оппозиции (студентов и организаций гражданского общества), что замедлило разработку последующих детальных законов о высшем и частном образовании. Поправки касались таких ключевых вопросов, как степень автономии университетов, создание профсоюзов и право разрабатывать учебную программу. Смена ключевых лиц, управляющих высшим образованием, и изменение потребностей развивающейся страны способствовали открытости и инклюзивности процесса разработки и изменения национального закона об образовании, а значит, и повышению прозрачности, что является основными качествами демократического правительства.

Обеспеченные законодательно и реализуемые на практике прозрачность и добросовестность управления улучшают репутацию национального высшего образования, особенно при наличии целенаправленной политики повышения доступности, качества и востребованности. Однако помимо экономических вопросов Мьянма также должна задуматься о сплочении нации, необходимом для обеспечения устойчивого развития страны и перехода к демократии, а также о роли высшего образования в этом процессе, в частности просвещения в области прав человека.

Должны ли вузы взять инициативу?

Несмотря на вызванную отсутствием закона о высшем образовании неопределенность, можно утверждать, что университетам будет предоставлена значительная степень институциональной автономии, особенно с учетом того, что перед ними уже была поставлена задача подготовить проекты уставов. Определяющим